

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Несмотря на то что действие книги происходит в годы Великой Отечественной войны, автор из этических соображений и уважения перед памятью павших героев постарается не описывать конкретные войсковые операции и будет по возможности избегать упоминания вошедших в реальную историю личностей. Описанные в книге события во многом выдуманы и могут не совпадать с событиями реальной истории. Имена большинства командиров РККА изменены или вымышлены.

*Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В вихре времен» (**forum.amabrov.ru**). Спасибо большое, друзья!*

Пролог

*Москва, Кремль,
сентябрь 1941 года*

С сожалением повертев в руке потухшую трубку, товарищ Сталин принялся неспешно выколачивать остывший и впитавший влагу из чубука пепел в массивную хрустальную пепельницу, стоящую на зеленом сукне. Покончив с этим, Иосиф Виссарионович отложил ее на самый край рабочего стола. На свет немедленно появилась одна из нескольких запасных. Вождь ломал извлекаемые из раскрытой пачки «Герцеговины Флор» папиросы, заполняя табаком потемневшую от нагара чашу и отправляя пустые картонные гильзы в пепельницу. Палец с пожелтевшим от никотина ногтем аккуратно утрамбовывал табак в трубочной камере.

Народный комиссар внутренних дел Лаврентий Павлович Берия был знаком с руководителем страны слишком много лет, чтобы не знать, что столь затянувшаяся пауза означает лишь одно: Сталин размышляет, выстраивая в голове канву будущего разговора. И мешать ему сейчас, прерывая привычный ритуал, категорически нельзя. Не просто нельзя, но даже и чревато, поскольку начать разговор непременно должен он сам. Нет, заговори Берия первым, ничего катастрофического не произойдет, разумеется. Не ворвутся предста-

вители «кровавой гэбни», наркомвнуделу не заломают руки и не потащат в «подвалы энкавэдэ» на немедленный расстрел — за неполный месяц главный куратор проекта «Мозг» чего только не наслушался...

Именно так — изначально ничем не подкрепленные предположения, что в разуме тех, кто некоторое время находился под ментальным (вот какие слова он теперь знает, да!) контролем «гостей из будущего», могут сохраниться их собственные воспоминания, полностью подтвердились! Погруженные в состояние глубокого гипноза, «реципиенты» начинали рассказывать. Причем рассказывать ТАКОЕ...

Информации было много, очень много. К сожалению, крайне разрозненной, порой обрывочной, которую еще только предстояло окончательно свести воедино и грамотно проанализировать. Чем, разумеется, сейчас и занимались особо доверенные люди. Хорошо еще, что после сеанса все испытуемые ровным счетом ничего не помнили, что было установлено абсолютно точно. А вот привлеченные к проекту специалисты уже навсегда останутся под особым контролем. Ничего страшного, впрочем, скорее наоборот: теперь им будет предоставлена возможность заниматься исследованиями без каких-либо ограничений. Своя спецлаборатория, оборудованная по последнему слову науки и техники, любые необходимые сотрудники, неограниченный бюджет... пусть работают! Пусть исследуют, изучают, выдвигают теории, пытаются их доказать или опровергнуть. Вдруг да удастся самим разработать методику переноса сознания от одного человека к друго-

му! Последнее крайне сомнительно, конечно, и практически нереально, куда им в этом плане с потомками тягаться, ну, а вдруг нащупают какую ниточку? Это ж какие перспективы открываются, даже представить страшно...

Но не обошлось и без той самой хрестоматийной ложки дегтя из старой поговорки. По необъяснимой пока причине более-менее связанные и подробные сведения о будущем дали лишь те трое, с кем «контактировал» *фигурант* Кобрин. Капитан Минаев, подполковник Сенин и полковник Лукьянин. Остальные, которых отыскалось пятеро (еще трое или четверо возможных «фигурантов» погибли во время боев), обладали гораздо меньшими знаниями, касающимися в основном их непосредственного задания. Знаниями, уже не имеющими особого практического значения, поскольку эти сражения остались в прошлом. О своем родном времени они помнили все — биографии, места службы, участие в боевых действиях на немыслимо далеких планетах. А вот историю Великой Отечественной и послевоенных лет вплоть до распада СССР — лишь урывками, не представляющими существенной ценности.

Лаврентий Павлович подозревал, что это вовсе никакая не случайность; не особенность их мозговой деятельности, как полагали ученые мужи. Ему отчего-то думалось, что неведомые потомки сделали так СПЕЦИАЛЬНО, но пока он держал свое мнение при себе, поскольку ни доказать, ни опровергнуть ничего не мог. Зачем, почему они так поступили? Да кто ж их поймет, потомки же! Еще и далекие к тому же... Поди узнай, что у них там в мозгах за столько столетий изменилось!

Немца побороть помогают — и на том спасибо. А с остальным разберемся, мы тоже не пальцем деланные — самодержавие скинули, беляков победили, страну из разрухи подняли, промышленность с армией практически с нуля возродили... разберемся, одним словом. И не такие вопросы решали, посложнее. Как сам товарищ Сталин говорил, «нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять»!¹

Что же до помянутой «гэбни» и «подвалов», так эта информация оттуда же, от «гостей», суть — из будущего. Был у них в истории такой мрачный период, когда все светлое, что с советским строем связано, начали по науськиванию из-за рубежа усиленно грязью поливать. А после и вовсе великую страну на полтора десятка удельных княжеств развалили, чего даже при царе не случалось. Впрочем, чему тут удивляться-то? Что сейчас, что полвека спустя — именно тогда в будущем эта самая «перестройка» с прочей «гласностью» началась — ничего не меняется. Как стояла Россия одна против всего мира, так и стоит. Даже враги прежними остались, хоть сейчас и в союзниках числятся. Кстати, насчет нынешних союзников, Англии да США, «реципиенты» Кобрин тоже мно-о-ого чего интересного порассказали. И если задуматься, так еще неизвестно, кто из них хуже, Гитлер или такие, с позволения сказать, «друзья»...

¹ Это широко известное выражение впервые было произнесено И.В. Сталиным еще в 1928 году: «Нет в мире таких крепостей, которых не могли бы взять трудящиеся, большевики». В 1931 году он снова повторил его, несколько перефразировав: «Нет таких крепостей, которые большевики не могли бы взять» (здесь и далее — прим. автора).

Звук зажигаемой спички оторвал главу НКВД от размышлений. Взглянув на окутавшегося дымом Вождя, народный комиссар мысленно собрался. Все, время пришло, сейчас начнется разговор.

— Я прочитал, Лаврентий, — как всегда без предисловий начал Сталин, прекрасно зная, что собеседник поймет, о чем речь. — Внимательно прочитал, очень даже внимательно. Страшные здесь вещи. — Иосиф Виссарионович коснулся чубуком трубки лежащей перед ним папки, картонная обложка которой была девственно чиста, ни единой надписи или штампа: то, что находилось внутри, не подпадало, пожалуй, ни под один из существующих гриффов секретности. Просто самая обычная канцелярская папка с безликим «ДЕЛО №» на серой поверхности.

— Страшные, товарищ Сталин, — покладисто согласился Берия. — Но не потому ли ОНИ и сделали так, чтобы мы узнали об этом заранее? И смогли все исправить?

— Не знаю, Лаврентий, — негромко ответил тот, на миг скрывшись в сизых клубках табачного дыма. — Не знаю.

И неожиданно, как он любил, сменил тему:

— Другое мне скажи. Сам как считаешь, почему только Кобрин нам свою память практически полностью, гм, *передал*? А остальные — только обрывки какие-то? Случайность, простое совпадение? Или так было специально задумано?

Несмотря на великолепную выдержку и опыт общения с Вождем, народный комиссар едва не вздрогнул, припомнив свои недавние мысли. Вот тебе и «держал свое мнение при себе»! Какое там! САМ мгновенно пришел в точности к такому же

выводу, что и Берия, едва прочитав представленный отчет, который хоть и был достаточно подробным, но все же не содержал *всей* известной на данный момент информации. Но нужно отвечать, ОН терпеть не любит долгих пауз:

— Считаю, что это, скорее всего, никакое не совпадение, товарищ Сталин! — твердым голосом ответил наркомвнудел. — Ознакомившись с данными, я пришел к тому же самому выводу, что и вы. Предполагаю, «фигурант» по какой-то причине был выбран специально для передачи нам информации. Ценнейшей информации! При этом сам он почти наверняка ни о чем не подозревает.

— Объясни.

— Если б он был в курсе, просто не стал бы рассказывать все Зыкину. Помните, я докладывал? Но, судя по докладу лейтенанта госбезопасности, Кобрин определенно старался *выговориться*, успеть рассказать, как можно больше. Я практически убежден, что это была его личная инициатива.

— Хм, даже так?

— Именно. Предполагаю, ему было запрещено раскрываться перед нами. Но он решился нарушить — вернее, обойти — приказ своего командования и помочь нам. Как он сам считал — по собственной инициативе. О том, что примерно так и было задумано, он не имел ни малейшего представления.

— Любопытно, Лаврентий, очень любопытно. А почему же он не попытался выйти с нами на прямой контакт?

— Каким образом, товарищ Сталин? Во-первых, это означало бы уже не обойти, а прямо нарушить приказ. Во-вторых, с переданных Зыкиным

слов «фигуранта» совершенно точно понятно, что Кобрин — как и остальные наши «гости» — участник некоего... — Берия все-таки замялся, подбирая подходящее определение, — научного эксперимента по проникновению в прошлое и изменению истории. Обучение же военной науке в качестве слушателей академии Генштаба, о котором они все как один рассказывают, скорее всего, либо вторично, либо, что скорее, проводится параллельно с реализацией основного задания. Хотя вполне может иметь место и третий вариант: основная часть «фигурантов» и на самом деле просто проходит тренировку, но некоторые, тот же самый Кобрин, к примеру, еще и доводят до нас важнейшую информацию. Конечно, это только наши предположения, но... Вы обратили внимание, КАК он возвращался в свое время? Капитан Минаев просто лег спать, проснувшись уже самим собой. Комбриг Сенин едва не погиб, попав под вражеский авианалет, видимо, Кобрину забрали обратно в самый последний момент, поскольку не были уверены, что его не разнесет в клочья немецкой бомбой вместе с подполковником. А вот полковник Лукьянин... тут совсем интересно. Просто потерял сознание на глазах всего своего штаба. Почему так? Ведь ему абсолютно ничего не угрожало, я это точно выяснил.

— Что думаешь? — Иосиф Виссарионович сделал новую затяжку. Выпустив дым, он отложил трубку, что означало крайнюю степень заинтересованности.

— Считаю, ОНИ сделали это специально. Как раз для того, чтобы мы обратили особое внимание именно на *его* реципиентов. — Берия впер-

вые произнес этот медицинский термин именно таким образом, без выделения голосом.

— Получается, опоздали наши всезнающие потомки? — ухмыльнулся Вождь. — Мы и без них догадались?

— Именно так, товарищ Сталин. Они ведь не знали, что мы и сами придем к подобному выводу. И немедленно привлечем нужных специалистов.

— Хорошо, Лаврентий, я тебя понял. И в целом согласен, это и в самом деле похоже на правду. Почему в документах об этом не написал?

— Хотел сначала проверить. Вы ведь знаете, товарищ Сталин, я никогда не довожу до вас непроверенной...

— Ай, проверить он хотел. — Иосиф Виссарионович махнул рукой. — Как такое проверишь? Проверить такое нельзя. Можно предположить, допустить или... ПОВЕРИТЬ. А ведь нам с тобой хочется им поверить, а, Лаврентий?

— Не знаю, товарищ Сталин... — абсолютно честно — можно подумать, он решился бы соврать! — ответил народный комиссар. — Как большевик и материалист, я привык рассчитывать только на собственные силы и знания. Но... скорее да, чем нет.

— Вот и я о том же... — задумчиво протянул Вождь. — Но очень бы хотел понять, можем ли мы им доверять после всего, что они натворили с нашей страной в этом своем будущем. Ладно, Лаврентий, я еще подумаю над этим. Пока другое скажи: что собираешься делать в этом направлении дальше?

— Продолжать работу по проекту «Мозг», разумеется. Во всех смыслах. Вы даже не представляе-

те, что все эти профессора с прочими докторами наук предлагают!

— Это-то понятно, что продолжать. А с этими — как ты там их называешь, реципиенты? — как поступишь? Оставишь у себя под особым контролем?

Этого вопроса наркомвнудел ждал давно. Ждал, но не знал точно, как правильно ответить.

— Не уверен, товарищ Сталин. Специалисты абсолютно убеждены, что они ничего не вспомнят. Абсолютно ничего и никогда. А лишать фронт грамотных, успешно повоевавших командиров, пользующихся уважением у подчиненных? Да еще и в столь сложное время? Не знаю, стоит ли...

— А если их немцы захватят? И тоже того... за-гипнотизируют?

— Не выйдет их еще раз гипнозом взять, — позволил себе легонько улыбнуться Лаврентий Павлович. — Я подстраховался. Повторный гипноз не поможет — мои спецы им какую-то «закладку» в мозг установили. Блокирующую, что ли. Так что гипноз им больше не опасен. При попытке ее *взломать* человек то ли с ума сойдет, то ли вовсе умрет. Как-то так...

— Молодец. Тогда пускай и дальше воюют. Ну, присмотришь, разумеется, но аккуратно, изда-лека. А насчет этих троих, которые с Кобриним контактировали? Есть такое мнение, что мы их в учебные части отправим, пусть боевой опыт пе-редают. И тоже под особый контроль, но мягко, давить на них запрещаю категорически. Понятно, Лаврентий?

— Разумеется, товарищ Сталин. Я так и предпо-лагал.